

ГОДЪ ВЪ ВЕНГРИИ.

Очерки и замѣтки.

I. Будапештъ.

Уросидѣвъ въ Вѣнѣ три мѣсяца и тщетно ожидая официальнаго разрѣшенія на вѣздъ въ Венгрію, я, наконецъ, получивъ таковое, собрался въ путь.

Уже на вокзалѣ Staatsbahnhofa чувствуется близость Венгріи: слышна мадьярская рѣчь и кое-гдѣ видны національные костюмы венгерскихъ крестьянъ, возвращающихся съ заработковъ на родину. Въ поѣздѣ биткомъ набито. Въ вагонахъ невѣроятная духота.

Какъ только поѣздъ тронулся, вывѣшиваюсь въ окно (хотя это и воспрещается) и жадно глотаю свѣжій воздухъ. Быстро летитъ поѣздъ по окраинамъ Вѣны. Прогромыхавъ по мосту черезъ Дунай, поѣздъ проносится затѣмъ надъ дальними аллеями Пратера. Огни Вѣны мелькаютъ и, по мѣрѣ удаленія поѣзда, постепенно сливаются, оставляя на небѣ громадный свѣтлый отблескъ, долго не исчезающій.

Черезъ часъ ѣзды мы уже приближаемся къ границѣ Венгріи. Маршегъ—пограничная станція. Австрійская кондукторская бригада ретируется изъ поѣзда и ея мѣсто занимають венгерскіе кондуктора въ австрійскихъ высокихъ «чако»¹⁾, съ обшитыми галуннымъ шнуромъ воротниками и въ брюкахъ сѣраго цвѣта.

Поѣздъ тронулся далѣе, и на станціяхъ уже вездѣ замелькали мадьярскія надписи. Уже довольно поздно. Монотонный стукъ колесъ дѣйствуетъ усыпляюще и я, принявъ довольно замысловатое положеніе, кое-какъ пристроился на своемъ, весьма ограниченномъ, мѣстѣ и вскорѣ заснулъ прерывчатымъ сномъ пассажира.... Недолго продолжался мой сонъ. Хлопанье дверей; частая смѣна пассажировъ въ купэ и, наконецъ, громкій и непрекращающійся говоръ—все это нарушало постоянно мой сонъ. Въ концѣ концовъ я рѣшилъ не дремать, а лучше созерцать красоты природы, тѣмъ болѣе, что стало почти совсѣмъ свѣтло.

Ѣдемъ по такъ называемой «Малой венгерской равнинѣ», на которой кое-гдѣ виднѣются внушительные холмы. Выѣзжаемъ въ долину Дуная. Красивая картина.... Слева тянутся крутые склоны холмовъ; справа красавецъ Дунай величаво несетъ свои широкія воды; по ту сторону тянутся синеватые абрисы горъ; вдали за Дунаемъ виднѣется городъ, надъ которымъ господствуетъ громадное зданіе, стоящее на высокой горѣ. Это—Грань или, по-мадьярски, Эстергомъ; зданіе на горѣ—старый замокъ.

А въ вагонѣ становится все тѣснѣе и тѣснѣе. Со всѣхъ станцій пассажиры лѣзутъ безъ конца въ нашъ поѣздъ. Съ портфелями и саквояжами спѣшатъ дачники на службу въ Будапештъ. Дачники эти ведутъ между собою разговоръ на тему о дороговизнѣ жизни, о служебныхъ непріятностяхъ и т. п. Всюду слышна характерная мадьярская рѣчь, но нерѣдко слышится и нѣмецкій говоръ.

Но вотъ замелькали паровозные сараи, безконечныя вереницы вагоновъ, пакгаузы, платформы и прочіе признаки большой станціи. Наконецъ вѣхали подъ навѣсъ Westbahnhof'a или, по-мадьярски, «Ньюгатиная удваръ». Гвалтъ и суета, какъ вездѣ. Посильщикъ (хѳрдаръ) беретъ мои вещи и быстро бѣжитъ къ выходу. Извощикъ повезъ меня въ отель «Паннонія», который мнѣ рекомендовали, какъ недорогой и удобный. Качу по улицамъ Будапешта. Трамваи здѣсь совсѣмъ особенные—желтаго и коричневаго цвѣтовъ. Полисмены въ высокихъ черныхъ каскахъ. Дома очень напоминаютъ

1) Шапки.

петербургскія постройки. Ъдемъ по кольцевой улицѣ (кёр-уть) и, наконецъ, заворачиваемъ на улицу Ракоци, одну изъ самыхъ красивыхъ и оживленныхъ.

Подкатываемъ къ «Паннони», но увы... всѣ комнаты заняты! Послѣ поисковъ, наконецъ, нахожу себѣ пристанище въ отелѣ «Palace».

Подбодривъ себя холодной водою и приведя свои одежды въ порядокъ послѣ дороги, выхожу побродить по улицамъ новаго для меня города. Съ планомъ Будапешта въ рукахъ и съ кое-какимъ знаніемъ мадыарскаго языка пускаюсь въ путь.

На улицахъ—большое оживленіе; трамваи снуютъ непрерывно одинъ за другимъ.

Направляюсь къ набережной Дуная. Черезъ площадь Кальвина по Таможенной улицѣ (Вамхазъ кёръ-уть) выхожу къ мосту Франца Иосифа. Гигантская входная арка достигаетъ, я думаю, высоты 7—8 этажей. Передъ входомъ на мостъ взимають 4 хэллера за проходъ.

Ширина Дуная здѣсь такая же, какъ и Вислы у Варшавы. Перейдя мостъ, я уперся прямо въ гору Блоксбергъ или, по-мадыарски, Гэллэртъ-хэдъ. Вся изъ доломита, съ чрезвычайно крутымъ склономъ, поднимающаяся на 120 метровъ надъ Дунаемъ, частью совершенно голая, поросшая травой, эта гора среди шикарныхъ городскихъ зданій и громадныхъ мостовъ производитъ весьма оригинальное впечатлѣніе.

Отъ моста Елисаветы на эту гору ведетъ прекрасная лѣстница. Послѣ нѣкотораго подъема, вы достигаете площадки, гдѣ стоитъ памятникъ епископу Гэллэрту, считающемуся патрономъ Будапешта. Отъ памятника подъемъ идетъ небольшими аппаратами, которыя зигзагами доходятъ до самой вершины съ хорошо сохранившимися стѣнами старой цитадели. Великолѣпный видъ открывается съ вершины Блоксберга. Дунай съ раскинувшимися по обѣ стороны зданіями громаднаго города; на сѣверѣ видны горы, на югѣ обширная равнина. Внизу люди, какъ муравьи, копошатся и бѣгаютъ во всѣ стороны; по мостамъ и набережнымъ тянутся крошечные трамваи и экипажи; по рѣкѣ снуютъ пароходики. Совсѣмъ близко виднѣтся стоящее напротивъ на горѣ красивое и большое зданіе королевскаго дворца.

Рядомъ со мной стоятъ два типичныхъ англичанина-туриста съ кодаками. Заговариваютъ со мной по-англійски, но, видя, что отъ меня толку не добьешься, начинаютъ изъясняться на интернаціональномъ нарѣччіи, состоящемъ изъ набора всевозможныхъ понят-

ныхъ и непонятныхъ словъ, подкрѣпляемыхъ соотвѣтствующими жестами. Бесѣдуемъ такимъ образомъ минутъ десять и, подѣлившись впечатлѣніями, расходимся довольные другъ другомъ.

Спустившись съ горы, я направился по набережной мимо королевскаго дворца, пройдя который и миновавъ Цѣпной мостъ (Ланцхидъ), долго любовался красивымъ и оригинальнымъ зданіемъ такъ называемыхъ «Рыбачихъ укрѣпленій». Почему оно рыбачье—никто мнѣ не могъ объяснить. Быть можетъ на этомъ мѣстѣ оборонялись при нашествіи турокъ венгерскіе рыбаки?

Больше въ Будѣ пожалуй и нечего смотрѣть. Слѣдуетъ кстати пояснить, что Буда-Пешть Дунаемъ раздѣляется на двѣ части: на лѣвомъ берегу—большая, торговая часть города (Пешть), а на правомъ—меньшая, административная (Буда или, какъ нѣмцы называютъ, Офенъ).

Обѣденный часъ даетъ себя знать. Съ 8 ч. утра до 3 ч. дня я бродилъ по городу, лишь немного перекусивъ въ ресторанчикѣ на Блоксбергѣ.

Переправляясь по Цѣпному мосту въ Пешть, я przygotowляю четыре хэллера, но оказывается, что плата взимается только съ проходящихъ по мостамъ изъ Пешта въ Буду, а изъ Буда въ Пешть можно переходить бесплатно.

Покрутивъ по улицамъ Пешта, я, наконецъ, около площади «Вигадо» обрѣлъ ресторанъ. Вхожу и объясняю по-мадьярски, что желаю пообѣдать. Кельнеры страшно довольны, что иностранецъ, да еще съ убійственнымъ акцентомъ славянина, храбро выпаливаетъ мадьярскія фразы. Когда я сѣлъ за столъ, одинъ изъ кельнеровъ объяснилъ мнѣ, что обѣдать здѣсь принято въ часъ дня, а теперь уже скоро четыре и обѣды давнымъ давно уже съѣдены. Пришлось закусить *à la carte*.

Изъ ресторана я вышелъ на набережную Франца-Иосифа—любимое мѣсто прогулокъ здѣшнихъ горожанъ или какъ заграницей вообще называютъ подобныя мѣста—корсо. Масса кафэ, красивыя зданія, отличный видъ на Дунай и Буду съ Блоксбергомъ, большое количество скамеекъ и стульевъ, сидѣніе на которыхъ оплачивается шестью хэллерами.

Съ набережной я прошелся по узенькимъ улицамъ Внутренняго города (Бэльварошъ). Университетъ здѣсь довольно мраченъ по внѣшности. Не знаю, какъ внутри процвѣтаетъ наука, но въ послѣдствіи мнѣ пришлось узнать, что въ Будапештскомъ университетѣ болѣе трети слушателей—евреи.

На болѣе людныхъ улицахъ Пешта какъ, напримѣръ, «Андраши», «Ракоци», «Вацци-рингъ», «Липоть-рингъ» и пр. очень интересно наблюдать здѣшнюю уличную жизнь. Часто на лучшихъ улицахъ мадьярской столицы встрѣчаются типы Бердичева и Налевко²⁾. Типы эти говорятъ по-мадьярски почти безъ акцента, но характерные носы и рты сразу выдають семита.

Въ магазинахъ вездѣ евреи. Почти вся торговля въ ихъ рукахъ. Они, между прочимъ, увѣряють, что они—мадьяры. Это, видите-ли, ихъ предки были евреи, а они—мадьяры самой настоящей марки. Хороши мадьяры! А, между прочимъ, настоящіе мадьяры, какъ видно, не особенно долюбиваютъ своихъ непрошенныхъ и самозванныхъ земляковъ.

Вечеръ рѣшаю провести въ какомъ-либо кафэ, которыхъ здѣсь уйма. На каждой площади, на каждой большой улицѣ, на всѣхъ почти перекресткахъ, вездѣ кафэ. Во всѣхъ кафэ—шикарная внутренняя отдѣлка и цыганская капелла, начинающая услаждать слухъ посѣтителей съ 7—8 часовъ вечера. Въ будни кафэ наполнены на половину, но въ праздничные дни еле-еле можно достать мѣсто.

Въ Будапештскихъ кафэ обыкновенно пьютъ кофе, пиво, вино чистое или смѣшанное съ содовой водой; рѣже ѣдятъ какую-либо закуску и совсѣмъ рѣдко заказываютъ рыбное или мясное блюдо посущественнѣе. Вообще публика здѣсь не изъ расточительныхъ: деньгами сорить не любятъ.

Между прочимъ, всѣ играющія въ кафэ цыганскія капеллы за вечеръ разъ пять, шесть посылають одного изъ музыкантовъ съ тарелкой собирать добровольныя пожертвованія отъ посѣтителей кафэ. Это—освященная вѣками традиція всѣхъ венгерско-цыганскихъ музыкантовъ. Да и помимо этой традиціи, содержатели кафэ или очень мало, а то и ничего не платятъ этимъ виртуозамъ, такъ что волей-неволей приходится жить на добротныя даванія публики. Даютъ обыкновенно отъ 6 до 20 хэллеровъ. Но 20-ти хэллеровую монету рѣдко кладутъ. На тарелку летятъ, большей частью мѣдные крейцеры и 10-ти хэллеровыя монетки.

Посѣтители большихъ кафэ—чрезвычайно разношерстная публика. Вы увидите тутъ и коммерсантовъ, и офицеровъ, и чиновниковъ, и студентовъ, и людей свободныхъ профессій. Какъ неизбѣжная примѣсь къ этимъ постояннымъ посѣтителямъ являются нѣсколько человекъ иностранцевъ-туристовъ. Въ нѣкоторыхъ кафэ можно видѣть кокотокъ, ведущихъ себя довольно развязно.

²⁾ Налевки, часть г. Варшавы, населенная евреями.

И вотъ весь вечеръ звуки музыки, гомонъ посѣтителей, звонъ убираемой и подаваемой посуды, густые клубы табачнаго дыма—все это создаетъ особую атмосферу, безъ которой большинство Будапештскихъ гражданъ не можетъ прожить ни одного вечера.

Уличное движеніе въ Будапештѣ видимо затихаетъ съ 9—10 час. вечера; въ театрахъ же—много публики, въ ресторанахъ и кафе шумно и весело, а въ шаптанахъ—дымъ коромысломъ...

На другой день, проснувшись рано утромъ, я составилъ себѣ планъ дальнѣйшаго осмотра достопримѣчательностей Будапешта, т.-е. вѣрнѣе Пешта, такъ какъ въ Будѣ я видѣлъ все. Сопоставивъ свѣдѣнія, извлеченныя изъ Бедекера, полученныя отъ случайныхъ знакомыхъ въ Вѣнѣ и добытыя въ самомъ Пештѣ, я намѣтилъ маршрутъ и пустился въ путь.

Описывать детально все то, что я видѣлъ, слишкомъ нудно и скучно, да кстати сказать не все такъ интересно, какъ рекламируютъ.

По моему мнѣнію, въ Пештѣ слѣдуетъ посѣтить слѣдующія мѣста.

Кто интересуется историческимъ прошлымъ Венгріи, тому интересно будетъ осмотрѣть историческую картинную галерею (Тёртенальми кепчарнокъ) въ зданіи Академіи наукъ. Очень интересно осмотрѣть зданіе парламента (Орсагхазъ). Любителю живописи рекомендую посѣтить Художественный музей (Сепмювесэти музэумъ) съ большимъ собраніемъ картинъ и старой и новой школы.

Думаю, что не только специалисту-агроному или интересующемуся сельскимъ хозяйствомъ, но и всякому интеллигентному чело-вѣку слѣдуетъ обязательно осмотрѣть Венгерскій королевскій сельскохозяйственный музей (Мадьяръ Киральи Мэзэгаздашаги музэумъ). Въ этомъ музеѣ собрана масса систематическихъ коллекцій, представляющихъ наглядно положеніе сельскаго хозяйства въ Венгріи. Земледѣліе, скотоводство, садоводство, винодѣліе, лѣсоводство, молочное хозяйство, пчеловодство и т. п.—все это детально и наглядно представлено здѣсь.

Затѣмъ въ обширныхъ залахъ музея имѣется большое собраніе сельско-хозяйственныхъ машинъ; модели пивныхъ, сахаро-рафинадныхъ, спиртовыхъ и пр. заводовъ; діаграммы и таблицы, представляющія исторію развитія сельскаго хозяйства въ Венгріи; метеорологическіе приборы; предметы кустарной промышленности и масса разныхъ коллекцій по лѣсоводству, рыбоводству и охотѣ.

Словомъ, кто интересуется промышленностью Венгріи, тотъ по-

лучить самое полное понятіе объ этомъ, детально осмотрѣвъ вышеупомянутый музей. Венгрія—страна преимущественно земледѣльческая и въ этомъ музеѣ, какъ въ зеркалѣ, отражается почти вся ея промышленность.

Недалеко отъ сельско-хозяйственнаго музея находится прекрасный зоологическій садъ (Аллатъ кэртъ), очень интересный по своему устройству. Всѣ звѣри находятся на свободѣ. Въ нѣкоторыхъ отдѣлахъ садъ этотъ можетъ смѣло поспорить даже со знаменитымъ Римскимъ зоологическимъ садомъ.

Есть въ Пештѣ Національный музей (Нэмзети музэумъ)—повнѣшности величественное и красивое зданіе, но внутри мало интересное. Быть можетъ любитель археологіи или ученый естествовѣдъ и найдутъ тутъ что либо, но я, кромѣ интересной коллекціи стариннаго оружія, не нашелъ здѣсь ничего достопримѣчательнаго.

Есть еще въ Пештѣ нѣсколько музеевъ, какъ, напримѣръ, геологическій, этнографическій, промышленный, торговый, но я думаю, что немного потеряетъ тотъ, кто въ нихъ не побываетъ.

Изъ окрестностей Будапешта мнѣ удалось посѣтить Аквинкумъ—остатки римской колоніи и колыбель Будапешта. Въ Аквинкумѣ, куда отъ Будапешта полчаса ѣзды, хорошо сохранились развалины древнихъ амфитеатра, храма, бани и водопровода. Я видѣлъ также маленькій музей, гдѣ имѣется много предметовъ, найденныхъ при раскопкахъ Аквинкума.

Стоить также съѣздить на Швабенбергъ (Швабъ-хэдь). Въ Будѣ недалеко отъ Südbahnhofa находится вокзалъ зубчатой желѣзной дороги «Варошъ-Маіоръ», съ котораго прямо можно въѣхать на эту гору. Ѣхать нужно до конечной станціи «Сечэньи-хэдь». Отсюда съ каменной площадки открывается великолѣпный видъ на весь Будапештъ съ его окрестностями и на Дунай.

Во время моей поѣздки на гору, день былъ сумрачный и даль покрылась дымкой. Въ ясный же день, какъ говорятъ, на горизонтѣ хорошо видны силуэты горъ, отстоящихъ отсюда въ 75—80 километрахъ.

Послѣдній день я осмотрѣлъ находящійся въ предѣлахъ города на Дунаѣ островъ Маргариты (Маргитъ сигэтъ)—фешенебельный и довольно дорогой курортъ съ горячими сѣрными источниками. Вечеръ же рѣшилъ провести въ городскомъ паркѣ (Варошъ лигэтъ). Подземный трамвай (метрополитэнъ) съ площади Гизеллы быстро доставилъ меня туда. День былъ праздничный; народа—тъма. У кафэ-ресторана гремитъ военный оркестръ. Публика въ общемъ

довольно чинная. Среди гуляющихъ много простыхъ рабочихъ съ семьями, но всѣ одѣты чисто и даже съ нѣкоторой претензіей на моду.

И опять-таки среди гуляющихъ очень и очень много евреевъ, типичныя лица и характерные жесты которыхъ сразу выдають эту націю.

Завтра рано утромъ ѣду въ Южную Венгрію, гдѣ мнѣ придется прожить цѣлый годъ.

С. Плехановъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

